

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.6>

UDC 1(091)(430):8

BBK 87.3(4Гем)5-514

Submitted: 20.08.2025

Accepted: 02.09.2025

**RUSSIA IN LEIBNIZ'S EARLY LINGUISTIC RESEARCHES (1689–1698):
TOWARDS A PROJECT FOR THE DEVELOPMENT
OF SCIENCES AND ARTS IN RUSSIA**

Viktor A. Kupriyanov

Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the early stage of linguistic research by the German philosopher, mathematician, and statesman G.W. Leibniz, which falls on 1689–1697. The author describes the history of the origin of Leibniz's interest in Russia and China – two cultures that were opposite to Europeans – and shows the role that Leibniz's linguistic and historical studies played in this. Using the methods of source search and historical reconstruction, the author analyzes Leibniz's correspondence relating to this period of his biography. Based on the analysis of Leibniz's correspondence, the author reconstructs the network of contacts that Leibniz built in order to realize his linguistic and ethnographic interests related to the peoples living in Russia. The article describes Leibniz's relations with a number of outstanding figures of the late 17th century, contacts with whom he built in order to obtain the information he needed about Russia and Russian-Chinese relations: the article describes Leibniz's relations with members of the Jesuit mission in China, with the Polish Jesuit A. Kochański, with the burgomaster of Amsterdam N. Witsen, and other lesser-known personalities of that time. As a result of the research, the article indicates that before the “Great Embassy” of 1697–1698, Leibniz used the services of various intermediaries to obtain information about Russia, to whom he turned for help. Only during the “Great Embassy” did he manage to establish his first direct contacts with people from Russia, in particular, with Peter Lefort. It is shown that of all the connections that Leibniz built in 1697–1698, the most productive for him were contacts with Nicolaes Witsen, who was the first to provide him with the desired specific ethnographic and linguistic material. The article reconstructs the history of the relationship between Leibniz and Witsen and provides a modern assessment of them. The article sheds light on little-known facts from Leibniz's biography and provides an understanding of the genesis of his plan for the development of sciences and arts in Russia.

Keywords: Leibniz, China, linguistics, early modern philosophy, Peter I, Witsen, Kochański.

Citation. Kupriyanov V.A. Russia in Leibniz's Early Linguistic Researches (1689–1698): Towards a Project for the Development of Sciences and Arts in Russia. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 46–61. (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.6>

УДК 1(091)(430):8

ББК 87.3(4Гем)5-514

Дата поступления статьи: 20.08.2025

Дата принятия статьи: 02.09.2025

**РОССИЯ
В РАННИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛЕЙБНИЦА (1689–1698):
НА ПУТИ К ПРОЕКТУ РАЗВИТИЯ НАУК И ИСКУССТВ В РОССИИ**

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена раннему этапу лингвистических исследований немецкого философа, математика и государственного деятеля Г. В. Лейбница, который приходится на 1689–1697 годы. Автор описывает

историю зарождения интереса Лейбница к России и к Китаю – двум противоположным для европейцев культурам – и показывает, какую роль в этом сыграли лингвистические и исторические занятия Лейбница. Используя методы источникового поиска и исторической реконструкции, автор анализирует переписку, относящуюся к данному периоду его биографии. Благодаря выполненному анализу автор реконструирует сеть контактов, которую философ выстроил в целях реализации своих лингвистических и этнографических интересов, связанных с народами, проживавшими на территории России. Описан обмен письмами Лейбница с рядом выдающихся деятелей конца XVII в., контакты с которыми он завязал для получения необходимой ему информации о России и российско-китайских отношениях: в статье приводится описание отношений с членами иезуитской миссии в Китае, с польским иезуитом А. Коханским, с бургомистром Амстердама Н. Витсеном и другими менее известными персоналиями того времени. В результате исследования в статье указывается, что до «Великого посольства» 1697–1698 гг. для получения информации о России Лейбниц пользовался услугами разнообразных посредников, к которым обращался за помощью. Лишь в период «Великого посольства» ему удалось установить первые прямые контакты с выходцами из России, в частности с Петром Лефортом. Показано, что в рассматриваемый период из всех связей наиболее продуктивной для него оказалась переписка с Николаем Витсеном, который впервые смог предоставить ему желаемый конкретный этнографический и лингвистический материал. В статье реконструируется история отношений Лейбница и Витсена, приводится их современная оценка. Статья проливает свет на малоизвестные факты биографии философа и дает понимание генезиса его плана развития наук и искусств в России.

Ключевые слова: Лейбниц, Китай, лингвистика, философия Нового времени, Петр I, Витсен, Коханский.

Цитирование. Куприянов В. А. Россия в ранних лингвистических исследованиях Лейбница (1689–1698): на пути к проекту развития наук и искусств в России // Logos et Praxis. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 46–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.6>

Тема отношений Лейбница к России и к Китаю является одним из наиболее интересных сюжетов в истории европейской интеллектуальной культуры, которому посвящено множество исследований. Интенсивный интерес Лейбница к Московскому царству, к Китаю и в целом к евразийскому континенту привлекал внимание многих российских и зарубежных историков культуры. Вопрос о взглядах ученого на Китай рассмотрен в ставших классическими публикациях О. Франке [Franke 1928], Ф. Меркеля [Merkel 1920], Д. Мунгелло [Mungello 1977], Д. Лаха [Lach 1945; 1957], Ф. Перкинса [Perkins 2004] и др. История взаимоотношений Лейбница с Петром I и его проекты развития науки и образования в России также неоднократно становились предметом исторических изысканий. Важнейшее значение для историографии данной темы имеют обзорные монографии В.И. Герье [Герье 1868; 1871] и Л. Рихтер [Richter 1946], а также работы многих историков и философов, которые освещают отдельные стороны этого вопроса (обзор историографии см.: [Куприянов, Смагина 2024; Куприянов 2024])¹. В недавней исследовательской литературе отмечалась связь интереса Лейбница к Азии с его лингвистическими и историческими занятиями [Carhart 2019].

Тем не менее до сих пор раннего этапа лейбницевских занятий российской тематикой, что во многом затрудняет понимание данного вопроса. Изучение ранних заметок и высказываний Лейбница о Московском царстве с учетом контекста их возникновения дает объяснение сути его плана для России и проливает свет на генезис его интереса как к России, так и к Китаю. В данной статье с опорой на эпистолярное наследие Лейбница прослеживается зарождение его интереса к России в контексте его лингвистических занятий, проводится реконструкция сети ученых контактов, которую он в связи с этим создал, что позволяет увидеть контекст появления первой записки о развитии России, которую великий философ подготовил во время «Великого посольства». В статье впервые на русском языке освещаются малоизвестные страницы биографии Лейбница. Статья также проливает свет на важнейшие исторические события, относящиеся к зарождению в Западной Европе и в России этнографических, географических и лингвистических исследований сверенной Евразии (территории современного Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока), и показывается роль в этом личных контактов и связей между европейскими учеными разных стран того времени.

Зарождение интереса Лейбница к России и Петру Великому (1689–1690 гг.)

На протяжение почти двадцати лет (с 1697 по 1716 г.) Лейбниц вел переписку с корреспондентами из Московского царства, стремясь завязать контакты, нужные для реализации его планов. В целом, нужно отметить, что его внимание включало в себя большое разнообразие тем, начиная с политики и дипломатии и кончая научными и социально-экономическими проблемами. Однако, хотя политические интересы в определенный период стали в отношениях Лейбница с Россией превалирующими, именно развитие науки, образования и в целом просвещения было для него главным и преобладающим над всеми прочими мотивами. Зарождению симпатии Лейбница к российскому государству и Петру I можно отнести к 1697–1698 гг., когда русский царь совершил свое первое путешествие в Европу («Великое посольство»). Именно к этому времени относится появление первого подробного лейбницевского плана преобразований в России, который великий философ безуспешно пытался представить Францу Лефорту (см.: [Лейбниц 1873, 14–19]). Но «Великое посольство» лишь усилило уже сложившийся интерес Лейбница. Большую часть своих идей философ начал формулировать задолго до 1697 г., и дипломатическая миссия Петра I оказалась в биографии Лейбница лишь удачным поводом для систематизации ранее разрозненно высказанных им предложений и пожеланий.

Отношение Лейбница к России претерпело существенное изменение, продиктованное расширением области его научных изысканий. В ранние годы жизни философа российская тематика оставалась на периферии его внимания, а его общее отношение к стране можно охарактеризовать как негативное (см. об этом также: [Richter 1946, 25–38]). Свидетельством данного факта является опубликованный Лейбницем под чужим именем в 1669 г. в связи с очередными выборами короля Речи Посполитой памфлет, целью которого было доказать с математической строгостью необходимость избрания на польский престол пфальцкого курфюрста Филиппа Вильгельма. В первом выводе этого «польско-политического рассуждения» («Discursus

Syllogisticus polono-politicus») в адрес Московии (как тогда в западноевропейской литературе часто называли Россию) приводятся крайне неприятные суждения, состоящие из упреков в варварстве и предупреждений об угрозе, исходящей от восточного соседа [Leibniz 1971, 84–85].

Тем не менее уже к концу 1680-х гг. взгляды Лейбница на Россию начинают претерпевать серьезные изменения, и важной вехой в этом процессе стала его встреча в Риме в июле 1689 г. с итальянским иезуитом Клаудио Гриимальди (1638–1712) [Richter 1946, 29–30]. Гриимальди был астрономом и математиком, а с 1688 г. он был назначен руководителем астрономической службы в Пекине [Collani 1994]. Именно он стал для Лейбница одним из главных источников сведений о Китае и именно через него в круг лейбницевских корреспондентов вошли иезуиты, находившиеся в Китае, которые сыграли огромную роль в его лингвистических, этнографических и математических исследованиях (речь идет о таких известных французских ученых и миссионерах, как Иоахим Буве (1656–1730), Жан де Фонтеней (1643–1710), Клод де Виседлу (1656–1737), Жан-Франсуа Гербийон (1654–1707) и др.). В целом в данном контексте нужно заметить, что Лейбниц поддерживал достаточно интенсивную переписку с иезуитами (как в Европе, так и в других регионах), собирая через них интересующую его информацию о разных регионах и странах, прежде всего об Азии («Восточной Тартарии»). Что же стало мотивацией к этой деятельности? Почему прославленный философ, математик и государственный деятель обратил внимание на Россию и Китай – столь далекие от европейского культурного мира страны? Ответ на этот вопрос отчасти можно найти в сохранившейся записи о беседе Лейбница с Гриимальди, где указывается: «Путь из России в Китай лежит (если проезжать из Сибири) через землю тунгусов (вместо князей у них правят старейшины; это ленивый народ, и он принципиально отличается от жестоких самоедов, соседями которых они являются), через родовую землю солонов (эвенки / буряты – В. К.), где говорят на татарском [маньчжурском] языке. <...> Маньчжурский язык полностью отличается от языка восточных... та-

тар, который изучал Гримальди, так как восточные татары относятся к Китаю» [Leibniz 2006, 3–5].

Приведенные суждения указывают на интерес Лейбница, который сохранялся у него буквально до самых последних дней. Касался он вопроса проезда в Китай по суше через территорию России, то есть сухопутной связи Европы с этой азиатской державой, а также проблемы исследования языков и обычаяев народов Тартарии (то есть Сибири, Средней Азии, части европейской России и части северного Китая). В этом контексте и начинает развиваться активность Лейбница в отношении России и Петра I, которая проявилась в записке, появившейся во времена «Великого посольства». Именно этнографическое и лингвистическое многообразие России и в особенности Сибири, а также низкая изученность географии и в целом производительных сил российских регионов стали для Лейбница толчком к появлению интереса к стране, который усиливался буквально с каждым годом по мере знакомства с деятельностью Петра I.

Уже после встречи с Гримальди в начале 1690-х гг. внимание к географии России, языкам ее народов и в даже к ее истории стало проявляться все более отчетливо, а вопрос проезда в Китай через российскую территорию начал волновать Лейбница все больше (он, в частности, чрезвычайно сожалел, что Гримальди не был предоставлен проезд через Россию)². Важным, если не решающим, контекстом формирования взглядов Лейбница на Россию, становятся его активные лингвистические и связанные с ними исторические исследования, начавшиеся в 1690 г. (см. про обстоятельную монографию Зигфрид фон дер Шуленбург: [Schulenburg 1973]). Сфера его историко-лингвистических и даже этнографических изысканий впечатляет своей широтой: он занимается славянскими языками, собирая образцы языков полабских славян [Leibniz 1957, 513–519], знакомится с картой Н. Витсена, получает сведения об азиатских и даже африканских языках (эфиопский³, готтентотский⁴, сиамский (тайский язык)⁵, китайский и др.), исследует европейские языки (так, Лейбниц много сил отдает занятиям проблемой происхождения германских языков [Leibniz 1970b, 228]⁶, ищет родство между ними [Leibniz

1970b, 18]⁷, активнейшим образом исследует язык крымских готов⁸, интересуется английским, фризским языками [Leibniz 1970b, 452], сравнивает эстонский со славянскими языками, ошибочно при этом усматривая некое родство между ними⁹), занимается общими проблемами происхождения языков и народов, включая поиск праязыка всех языков, сравнивает европейские языки между собой и составляет их с неевропейскими – например, итальянский ученый Дж. Чьямпини переслал в августе 1692 г. Лейбничу образцы «Отче наш» на 18 языках, в основном европейских [Leibniz 1970b, 378–379]¹⁰, а позже по другим каналам философ получает еще лингвистический материал, в частности образцы персидского, армянского¹¹ и грузинского языков, – пытается установить связь между европейскими и неевропейскими языками. Наконец, Лейбниц пытается составить свою первую классификацию языков [Leibniz 1964, 311]¹², которую будет позже развивать и уточнять.

Иными словами, лингвистические, географические и этнографические исследования, которые проводил Лейбниц, предполагали сбор большого количества эмпирического материала: образцов языков, а также данных по истории и этнографии изучаемых народов. Однако в фокусе внимания Лейбница были далеко не только и не столько европейские языки и уж тем более не языки Африки и стран Ближнего востока. Главным объектом его лингвистических студий были так называемые языки Скифии, или Тартарии, – обозначение, которое охватывало в то время почти всю европейскую часть России, а также Сибирь и Дальний восток. Для этого приблизительно с 1690 г. философ завязывает переписку по всей Европе¹³ и за ее пределами, используя для этого буквально каждую возможность. В результате ему удалось создать разветвленную сеть контактов в Европе, в России и в Китае, состоящую из людей, которые должны были доставлять ему интересующий его этнографический и лингвистический материал¹⁴. Конкретным предметом его собирательских интересов были переводы «Отче наш» на различные языки и подстрочные переводы отдельных фраз и слов, на основе которых они сравнивались. Так, в письме итальянскому иезуиту Томмазо Фантони от 29 мая 1692 г.,

говоря о языках Тартарии, философ указывал: «Я не прошу ничего, кроме молитвы Господней на языке каждого народа, но также и выраженной общезвестными буквами (*characteribus vulgaribus*) и объясненной в подстрочном варианте (*versione interlinearī*) на другом, более известном языке» [Leibniz 1970b, 262]. Это пожелание Лейбница высказывал в письмах своим самым разным собеседникам практически до самого конца своей жизни, что позволило ему собрать внушительную коллекцию лингвистического материала.

Корреспонденты Лейбница в контексте его российских интересов

Говоря в целом о людях, которые помогали Лейбничу со сбором материала, важно понимать, что в начале 1690-х гг. до появления у него прямых связей с российскими корреспондентами содействие ему оказывали различные европейские ученые, – участники международной *république des lettres*, – которые выступали посредниками, ответственными за передачу ему запрашиваемых сведений. Среди этих ученых, помимо упомянутых, нужно назвать таких видных деятелей того времени как *Адам Коханский* (1631–1700), *Йохан Спарвенфельд* (1655–1727), *Хиоб Лудольф* (1624–1704) и его внук *Генрих Лудольф* (1655–1712), а также *Николай Витсен* (1641–1717), с которыми исследователь, желая получить доступ к нужной информации, состоял в 1690-е гг. в интенсивной переписке. Именно эти ученые, а также члены иезуитской миссии в Китае, стали для немецкого философа в этот период главными посредниками в получении сведений о России, а также оппонентами в дискуссиях о различных вопросах лингвистики, этнографии и истории народов России, так как *прямых контактов* в России он до «Великого посольства» не имел.

Из обозначенного круга посредников-информантов в первую очередь отметим роль иезуитских миссионеров в Китае. Через К. Гриимальди, И. Буве, Ж. де Фонтенея и других членов «Общества Иисуса» Лейбниц запрашивал информацию о языках, истории, географии Тартарии и Китая, а также о российско-китайских отношениях, и получал нужные

для себя сведения. В период с 1689 по 1697 гг. интенсивные контакты ученый имел с упомянутым выше *Клаудио Гриимальди* (1638–1712). Уже в первом письме Лейбница к Гриимальди от 19 июля 1689 г. можно найти его просьбу, касающуюся России, которая позже будет регулярно появляться в его переписке со многими российскими корреспондентами. Так, в длинном опросном листе о Китае, прилагаемом к письму, есть просьба узнать о том, разделяет ли пролив Азию от Северной Америки [Leibniz 2006, 13]. Несколько позже Лейбница обратился к Гриимальди с уже более расширенным пожеланием, попросив его изучать языки. Об этом можно узнать из самых разных писем, которые направлялись как самому Гриимальди, так и другим помощникам. Например, в своем письме к Гриимальди от 31 мая (10 июня) 1691 г. философ выражает надежду на то, что члены «Ордена» исследуют границы «Восточной Тартарии» (уточнив тем самым карту Витсена), а также пришлют образцы языков в виде переводов «Отче наш» [Leibniz 2006, 31]. Затем Лейбница регулярно обращался к Гриимальди со сходной просьбой, свидетельством чему является, в частности, уже следующее письмо к Гриимальди от 21 (?) марта 1692 г. [Leibniz 2006, 41–43], из которого можно узнать о призывае Лейбница изучать языки «Азиатской Тартарии», то есть той части, которая относилась тогда к Китаю. Об этих просьбах Лейбница сообщил другому иезуиту – Томмазо Фантони – в письме от 24 мая (3 июня) 1692 г., в котором исследователь, упоминая Тартарию, повторяет свой запрос насчет языков народов, через которые тот проезжает, и просит собрать для этого переводы «Отче наш» [Leibniz 1970b, 262]. А уже в письме к Эдварду Бернарду от 7 (17) марта 1693 г. можно прочитать о том, что Лейбниц попросил Гриимальди написать о языках «Восточной Скифии», имея в виду при этом часть современного Дальнего Востока [Leibniz 1992, 330].

Тем не менее особую роль в достижении цели получения информации о языках Тартарии сыграли отношения с *Иоахимом Буве* (1656–1730). Хотя Лейбниц знал об этом члене иезуитской миссии по меньшей мере с 1695 г., переписка с ним завязалась лишь в октябре 1697 г. В письме к Буве от 2 (12) де-

кабря 1697 г. философ пишет: «В связи с изучением китайского языка было бы также желательно получить тщательное описание языков всех соседствующих народов» [Leibniz 2006, 141]. И, как обычно, философ предлагает сорвать Молитву Господню на языке «китайских татар», то есть на маньчжуром языке [Leibniz 2006 140–141]. Желаемую информацию в виде образцов «Отче наш» на маньчжурском языке Буве выслал Лейбницу с письмом от 28 февраля 1698 г. [Leibniz 2006, 173–175]. Таким образом, первые результаты от контактов с членами китайской миссии, касающиеся лингвистики, этнографии и географии, Лейбниц получил лишь спустя восемь лет после их начала. Позже Буве и другие участники миссии иезуитов в Китае снабжали в большей степени информацией о самом Китае, причиной чего нужно считать тот факт, что у Лейбница в начале 1700-х гг. появились контакты непосредственно в Московском царстве, а круг его российских интересов значительно расширился.

Среди европейских ученых, с которыми исследователь активно поддерживал контакты по вопросу России, необходимо выделить А. Коханского и Н. Витсена. С польским иезуитом *Адамом Коханским* (1631–1700)¹⁵ Лейбниц состоял в переписке еще в 1670–1671 гг., обсуждая в основном различные вопросы математики; а затем в ноябре 1691 г.¹⁶ корреспонденция между ними возобновилась и продолжалась до 1698 г., то есть почти до самой смерти Коханского¹⁷. Хотя круг его интересов был достаточно широк и включал в себя вопросы языкоznания, политики и техники (Коханский работал над изобретением своей собственной счетной машины), в центре его исследований находилась математика, что позволило ему стать не только придворным капелланом и библиотекарем, но придворным математиком при короле Яне III Собесском¹⁸. Ему выпала честь быть единственным ученым Речи Посполитой конца XVII в., знакомым с таким достижением науки того времени как исчисление бесконечно малых величин¹⁹, а также его знаний о Китае²⁰.

Коханскому удалось стать одним из звеньев в реализации лейбницевских лингво-этнографических целей в отношении России. Он через свои контакты предпринимал попытки получить для ганноверского философа образ-

цы языков «внутренней Скифии» и прочую информацию как о московском царстве, так и о Китае. Так, сразу же после возобновления контактов в ноябре 1691 г. Лейбниц в ответном письме сообщил Коханскому о своих лингвистических и этнографических запросах, касающихся России [Leibniz 1964, 487–488], и попросил, как он часто это делал, собирать через купцов, путешествующих по Черному и Каспийскому морям, образцы языков народов, проживающих в этих регионах. В свою очередь Коханский передал отрывок из письма Лейбница, касающийся России, духовнику короля, Карлу Маурицио Вотте (1629–1715) [Leibniz 1964, 523–533], который прочитал его Яну III, известному своим интересом к Востоку. В письме от 9 февраля 1692 г. Коханский выслал отрывок из письма Вотте [Leibniz 1964, 562–564], в котором выражается похвала монарха в адрес «великого ученого из Ганновера» и приводится его обещание помочь в сборе «Отче наш» на языках Сибири вместе с советом ознакомиться с картой Н. Витсена (хотя у Яна III была карта Сибири и Монголии, составленная по сведениям некоего русского дипломата по имени Нестор, которая, однако, не имела указания долготы и широты²¹). Лейбниц в ответ в письме от 11 (21) марта 1692 г. не сдерживал себя в положительных оценках польского правителя [Leibniz 1964, 612]. Затем Коханский (не без поддержки короля) не позже мая 1692 г. [Leibniz 1970b, 265] переслал письмо Лейбница польскому резиденту в Москве (каковым тогда был Юрий Довмонт) с просьбой сорвать через своего секретаря, «непременно поляка», образцы «сибирского наречия» («Отче наш») [Leibniz 1970b, 492–493]. Однако отсутствие желаемого результата вынудило философа написать в декабре 1693 г. непосредственно самому Вотте с просьбой в содействии для получения искомого материала [Leibniz 1970b, 173–175], что тоже не помогло ему в достижении своих целей, так как письмо осталось без ответа. Не получил никакого результата Лейбниц и от запроса, который польский математик направил Ю. Довмонту [Leibniz 1982, 211]. Тем не менее попытки помочь своему собеседнику Коханский не прекращал почти до самого конца своей жизни, пока имел на это силы.

Можно в связи со сказанным резюмировать, что линия контактов через Коханского оказалась для Лейбница малопродуктивной, хотя и небессмысленной, так как в математических и в лингвистических вопросах тот оказался интересным собеседником. Вероятно, самое ценное для дальнейших лингвистический исследований, что Лейбниц смог получить от своего польского корреспондента, касалось информации о «происхождении венгров из Скифии» [Leibniz 1982, 476–479]: еще в своем письме от 8 (18) января 1692 г. Коханский передал Лейбничу сведения о том, что некий иезуит венгерского происхождения был «взят в плен крымскими татарами» и затем был продан другим татарам на Каспийском море, где узнал свой язык [Leibniz 1964, 534]. Это сообщение навело Лейбница на мысль, что историю происхождения венгров, лингвистическое родство которых с другими финно-угорскими народами (финнами, эстонцами, лопарями и пермяками) он, вероятно, впервые правильно определил, нужно искать на каспийском побережье. В целом общение двух выдающихся ученых было плодотворным в вопросах лингвистики: Коханский делился своими собственными соображениями о калмыцком языке, о различиях языков «европейских и азиатских татар», а также между венгерским, литовским и валашским языками²².

Еще один важный канал получения материала был связан преимущественно с Веной и Берлином. В начале 1695 г. Лейбниц составил опросный лист («Пожелания относительно языков некоторых народов» (*Desiderata circa linguas quarundam populorum*)) и направил его затем адресатам, которые могли бы посодействовать реализации его целей [Leibniz 1982, 169–176]. Можно смело утверждать, что в данной записке представлено наиболее подробное изложение лингво-этнографических запросов Лейбница. В ней он просил информацию об остатках германцев (готов) в Крыму, о языке которых сообщал О.Г. де Бусбек, а также о языках любых неславянских народов Московии: языки народов, населяющих Сибирь (переводы «Отче наш» на черемисском, черкасском, ногайском, калмыцком, узбекском, монгольском языках и на других языках народов «проживающих в Тартарии»), населяющих северное побережье Черного

моря и далее на север и на восток от него, к северному побережью Каспийского моря; также, согласно записке, необходимы были сведения об остатках куманского языка, сведения об угорских языках (Лейбниц в этой связи ссылается на сообщенную информацию о некоем венгре-иезуите). Философ указывает, что полученные дословные переводы молитвы нужны для дополнения уже имеющихся образцов на европейских языках и на некоторых восточных языках (например, турецком, персидском, китайском). Кроме перевода «Отче наш» Лейбниц просил и индекс наиболее употребительных слов (например, числительные, слова для частей тела, обозначения потребностей, действий и др.).

Первый раз данная записка была отправлена с письмом к Бодо фон Обергу (1657–1713), посланнику Ганновера в Вене, через которого Лейбниц рассчитывал получить нужный ему результат. Фон Оберг, как часто происходило в то время, передал присланный Лейбницем опросник другому лицу – Даниэлю Эразми (дипломату), однако тот лишь частично смог удовлетворить интерес ученого, предоставив ему информацию о немцах в Трансильвании [Leibniz 1982, 456–461].

Затем этот опросный лист был отправлен и другим адресатам: Иоганну Якобу Хуно (1661–1715), или Кюно (Cuneau), – секретарю первого министра Бранденбургского курфюршества Э.Х.Б. фон Данкельмана [Leibniz 1982, 302–305], а также французскому иезуиту Антуану Верью (1632–1706) [Leibniz 1982, 490–492]. Получить желаемый результат не помогли и эти корреспонденты; тем не менее переписка с Кюно оказалась относительно продуктивной. Он передал мемуар Лейбница аббату Оливского монастыря (Михаэлю Хаки), а также Иоганну Рейеру – чиновнику, посланнику Бранденбурга в Москве в 1688–1689 гг., у которого сохранились необходимые контакты в России, в частности, с А.А. Виниусом [Leibniz 1982, 322]. Результатом завязавшейся переписки стало получение из рук Рейера письма некоего иезуита (скорее всего, Гербиона) о событиях на российско-китайской границе (в частности о Нерчинском договоре 1689 г.), а также уже через Кюно части «*Elementa linguae tartarica*» («Основы языка тартар»), написанной в 1681 г. фламандским

иезуитом, миссионером в Китае Фердинандом Вербистом [Leibniz 1982, 643–645]²³, и отчета о посольстве Исаака Идеса (1657–1708) в Китай в 1692–1695 годах. Как можно видеть, Лейбница интересовали не только языки Тартарии, но и российско-китайские отношения. Однако интерес к языкам и народам был в тот период доминирующим.

Безуспешные попытки получить информацию о языках через фон Оберга и Кюно не заставили ученого отказаться от данного плана. В 1697 г., когда в связи с «Великим посольством» ему представилась очередная возможность получить желаемый результат, он отправил записку о языках с письмом к Петру Лефорту²⁴. Результатом переписки с П. Лефортом стала лишь скучная информация о языках и народах Сибири [Leibniz 1993, 482–484]²⁵. Тем не менее это было первым прямым контактом Лейбница с Россией, а сам Лефорт-младший был первым, кто предоставил ему информацию из первых рук.

Как можно видеть, переписка с членами иезуитской миссии в Китае, с Коханским и прочими корреспондентами не принесла Лейбничу желаемого результата в виде образцов языкового материала. И наиболее полезной в данном контексте оказалась переписка с бургомистром Амстердама Николаем Витсеном (1641–1717), которая заслуживает детального рассмотрения²⁶. Она завязалась лишь в марте 1694 г. и продолжалась до ноября 1712 года²⁷. Но знал Лейбниц о Витсене уже по меньшей мере с апреля 1671 г.: первое упоминание о нем можно обнаружить в письме филолога, историографа Вильгельма Оранского – И.-Г. Гревия (Johan Georg Graevius (1632–1703)), который, рассказывая о состоянии наук того времени, упоминает и сочинение Витсена о кораблестроении²⁸. Конечно, наибольший интерес философа ожидаемо вызвала карта Витсена, появление которой пришлось как раз на начальный период лингвисто-этнографических занятий Лейбница. Впервые об этой карте он узнал не позже декабря 1690 г., о чем свидетельствуют его слова в письме Анри Жюстелю от 24 ноября (4 декабря) 1690 г.: «Вы, несомненно, видели интересную карту Тартарии, которую выгравировал и представил публике г-н Витсен: но было бы желательно узнать, как он ее сделал и от-

куда он ее взял» [Leibniz 1957, 301]. Затем об этом важном событии он сообщает в январе 1691 г. ландграфу Эрнсту Гессен-Рейнфельскому [Leibniz 1957, 154–155] и в июне того же года с надеждой упоминает карту Витсена в письме к К. Гимальди [Leibniz 1957, 520]. Как пишет К. Мюллер, после этого «интерес к этой редкой карте рос от года к году, как показывает переписка с ганноверским агентом в Нидерландах Жилем ван дер Хеком, польским иезуитом А. Коханским, парижским библиотекарем Мельхиседеком Тевено и дипломатом и востоковедом Хиобом Лудольфом» [Müller, 1955, 19–20]. Действительно, карта Витсена упоминается в переписке с французским путешественником и изобретателем М. Тевено в сентябре 1691 – мае 1692 г.²⁹; и в переписке с Коханским вопрос о карте также возникал – как указано выше, карту хвалил польский король, о чем свидетельствует упомянутое выше письмо Коханского от 9 февраля 1692 г. [Leibniz 1964, 563]. Наконец, в 1692 г. Лейбниц предпринимает попытку приобретения карты Витсена. В своем письме от 13 (23) сентября 1692 г. Ж. ван дер Хек, который выступал своего рода коммуникатором Лейбница в Голландии, дает обещание покупки карты [Leibniz 1964, 437], сделанное, очевидно, после обращения самого Лейбница (пока не обнаруженного), которое он не смог выполнить, так как карта была опубликована Витсеном за свой счет и распространению ее он препятствовал³⁰. В итоге Лейбничу удалось получить желаемую карту, хранящуюся сегодня в «Нижнесаксонской земельной библиотеке», лишь в марте 1694 г. от самого Витсена, который отправил ее через ганноверского резидента в Гааге³¹, после чего между этими двумя выдающимися деятелями своего времени вязалась длительная переписка. Уже первое свое письмо к Витсену Лейбниц начал с благодарности за карту, дав ей высокую оценку. Философ пишет: «Получив сейчас от г-на Хюнекена, нашего резидента, важную карту отдаленных земель Севера Европы и Азии, которую вы составили с такой заботой о том, чтобы пролить новый свет на столь важную часть нашего мира, я обязательно представлю ее от Вас нашему господину курфюрсту по его возвращению из загородного дома» [Leibniz 1979, 338]³².

Как показал в своем исследовании А.В. Контеv, в распоряжении Лейбница был второй вариант карты из всего четырех сохранившихся [Контеv 2022, 143–144]³³. В итоге она стала для исследователя важнейшим источником информации, которым он охотно пользовался. В частности, хорошо известно, что эта карта находилась в распоряжении Избранда Идеса (1657–1708) и использовалась им во время посольства в Китай³⁴. Затем отчет («*Relation*») об этом посольстве достаточно быстро через указанный выше канал попал к Лейбничу, что дало ему возможность сопоставить его с самой картой³⁵. Через Витсена он получил множество интересовавшего его лингвистического материала и ценные сведения о России и российско-китайских отношениях. Можно сказать, что в 1690-е гг. Витсен был одним из главнейших информантов Лейбница в вопросах России, что было вполне логичным, учитывая его обширные контакты в России.

Переписку между Лейбницием и Витсеном можно разделить на две части: обмен письмами в 1694 г., а затем его возобновление во время «Великого посольства» в 1697–1698 гг., когда контакты между ними ожидали интенсификации, так как Лейбниц не мог не воспользоваться возможностью получить интересующую его информацию о народах Сибири от своего корреспондента, имевшего в тот период непосредственный контакт в России. После 1697 г. переписка продолжалась почти до последних лет жизни философа. Особенный интерес в нашем контексте имеет переписка 1694 г. и 1697–1700 гг., так как именно через связи Витсена Лейбниц впервые получил столь желанные им образцы языков «народов, населявших Тартарию». В частности, Витсен, пользуясь своими связями, в число которых входил А.А. Виниус³⁶, выслал образцы («*Отче наш*» и в некоторых случаях небольшие словари) монгольского, самоедского, тунгусского, vogульского, черемисского языков³⁷. Частично переписка Лейбница с Витсеном, включая переданный лингвистический материал, была опубликована уже в XVIII в., что сделало ее достоянием общественности. В итоге, благодаря Витсену, ученый имел в своем распоряжении образцы как минимум пяти языков народов России, что, однако, лишь частично соответствовало его

обширным запросам. В 1717 г. переписка была опубликована на языке оригинала (французском) секретарем Лейбница И.Г. фон Экхардом (1664–1730) в книге «Этимологическая коллекция, полезная для иллюстрации языков: древнекельтских, германских, галльских и других» [Leibnitius 1717, 361–384], а в 1768 г. это издание было почти полностью перепечатано Луи Дютаном в шестом томе «*Opera omnia*» Лейбница [Leibnitius 1768, 199–206]. Таким образом, 1697–1698 гг., то есть уже во времена «Великого посольства» Петра I, Лейбницу *впервые удалось получить желаемые образцы языков* – от И. Буве и от Н. Витсена, спустя почти восемь лет после начала поисков. Причем, лингво-этнографический материал из России он получил именно от Н. Витсена, который, как можно видеть, первым смог оказать ему столь необходимую помощь в этом деле.

Первый образец языков в виде «*Отче наш*» на монгольском языке Витсен прислал Лейбничу с письмами от 16 октября и от 14 декабря 1697 г. (еще до письма И. Буве с образцом маньчжурского языка из Китая), для получения которого он воспользовался неким рабом-монголом («*un Mogal Esclave*»), который был в составе «Посольства»³⁸. Затем с письмом от 5 июня 1698 г. Лейбниц получил «*Отче наш*» на vogульском языке (мансиjsком) и на некоем пермском языке (du Peuple de Permia) [Leibniz 1998, 616], и с письмом от 21 июля 1698 г. – на самоедском языке [Leibniz 1998, 697]. Отправка Лейбничу языкового материала продолжилась и в 1699–1700 г.: с письмом от 5 июля 1699 г. Лейбниц получил новые образцы самоедского языка («*es deux autres en langues Samojede*») [Leibniz 2001, 299], и, наконец, благодаря письму от 24 мая 1700 г. Лейбниц обзавелся «*Отче наш*» на тунгусском языке [Leibniz 2005, 680–681].

Конечно, внимание Лейбница к российской тематике не сводилось только лишь к области лингвистики и этнографии. В сохранившемся эпистолярном наследии философа можно увидеть постепенное расширение его интересов, которые в конце концов нашли выражение в большом плане развития наук и искусств. Ученого в 1690-е гг. начинает увлекать история России, ее внутреннее устройство и, конечно, российско-китайские отношения.

Информацию о последних он получал по тем же каналам, что и лингвистический материал, а его интересу в области русской истории способствовал шведский славист Й. Спарвенфельд, с которым он состоял в полемике по так называемому готскому вопросу³⁹. Так, в распоряжении Лейбница было генеалогическое древо русских царей династии Романовых, которое он получил через посланника Брауншвейг-Люнебурга в Швеции Г.Д. Шмидта (1646–1720) от Й. Спарвенфельда в июле 1696 г.⁴⁰ [Leibniz 2010, 201–2024, 344]. Затем во время «Великого посольства» Лейбница стремился выяснить подробности по вопросу о царском роде у Франца и Петра Лефортов; последнему он даже отправил выдержку из этого генеалогического древа [Лейбниц 1873, 14, 20]. О том, что интерес к истории России и русскому языку не ослабевал в течение многих лет, свидетельствует его письмо французскому востоковеду Мартурену де Лакрозу от 26 декабря 1709 г., в котором Лейбниц интересуется Киево-Печерским патериком [Лейбниц 1873, 140–142].

Со временем активность исследователя в отношении России только лишь усиливалась, его первоначальный интерес углубился, а его взгляды на Россию и Петра I менялись с одобрительных на восторженные. Скрывать свои намерения от широкой публики Лейбница при этом не стремился и в своем сочинении «Новости из Китая» (*Novissima Sinica*), опубликованном в 1697 г. (буквально во время дипломатической миссии российского монарха в Европе), изложил свои взгляды на Россию в более широком контексте отношения к Китаю. Данный трактат можно рассматривать в качестве своего рода итога деятельности Лейбница, касающейся России и Китая, в котором он изложил суть своих взглядов. В этом трактате сразу в обращении к читателю автор начинает с указания, что Европа и Китай как два экстремума одного континента концентрируют в себе «максимум культуры и красоты рода человеческого» (*maximus generis humani cultus ornatusque*) [Lach 1957, 89]. России отводится роль соединительного звена между Китаем и Европой, что, по его мнению, сулило как экономические, так и культурные выгоды и для Европы, и для Китая, и для самой России. Уже тогда Лейбниц стал

обозначать огромное российское государство как *tabula rasa*, распространение наук в которой сулило, как он полагал, невиданные успехи просвещения.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что структура контактов, которую Лейбниц в 1689–1697 гг. (в начальный период своих занятий Китаем и Россией) выстроил для реализации намеченного им плана, характеризовалась наличием длинных цепочек посредников, к услугам которых философу приходилось прибегать до установления первых прямых связей с российскими подданными, чего впервые ему удалось достичь лишь во времена «Великого посольства», когда он встретился в Петром Лефортом (племянником Франца Лефорта). Затем круг корреспондентов Лейбница расширялся, и в конце концов ему удалось не только создать разветвленную сеть контактов в России, но и добиться аудиенции самого царя. Однако на раннем этапе своих исследований философу приходилось довольствоваться знанием, полученным из вторых или даже из третьих рук.

Тем не менее еще до начала активных контактов с российскими корреспондентами и до установления прямых связей с Россией и с Петром I Лейбниц ясно видел разнообразные возможности, которые несут в себе исследование языков и обычая народов Московского царства, его производительных сил, улучшение транспортного сообщения по российской территории и коммуникаций с Китаем, исследование географии России, а также в целом развитие просвещения и наук в ней. Во многом осознание перспектив просвещения в этой державе, а также потенциала политического включения ее в европейские дела и полноценной ее европеизации было затем константой его российского проекта. Стимулом же для него стали его лингвистические и исторические исследования, которые влекли за собой необходимость сбора соответствующего эмпирического материала. И постепенно достаточно ограниченный интерес к языкам и истории народов превратился в развернутый план развития наук и искусств в России, содержательным ядром которого были

географические, исторические и этнографические исследования, заниматься которым Лейбниц предписывал запланированным для Петра I научным учреждениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная статья является развитием исследований, опубликованных в [Куприянов, Смагина 2024; Куприянов 2024].

² См. письмо Лейбница к Гримальди от 31 мая (10 июня) 1691 г.: [Leibniz 1957, 529].

³ См. переписку Лейбница и Х. Лудольфа. Например: [Leibniz 1970b, 228, 360].

⁴ См. также переписку Лейбница с Х. Лудольфом, который сообщал ему сведения о готтентоском языке: [Leibniz 1964, 315].

⁵ Лейбниц поддерживал достаточно обширную переписку с Симоном де ла Лубером (1642–1729), который в 1687–1688 гг. был французским посланником в Сиаме (Тайланде).

⁶ См., например, письмо Х. Лудольфу от 18 (28) апреля 1692 г.: [Leibniz 1970b, 228].

⁷ См., например, письмо Лейбница от июня 1692 г.: [Leibniz 1970b, 18].

⁸ См., например, письмо Лейбница Х. Лудольфу 18 (28) апреля 1692 г.: [Leibniz 1970b, 228].

⁹ См., например, указанное выше письмо к Х. Лудольфу, а также, например, письмо Г. Майеру от 1 (11) 1693 г.: [Leibniz 1992, 633].

¹⁰ Лейбничу были высланы варианты «Отче наш» на иврите, арабском, сирийском, греческом, армянском, польском, албанском, иллирийском, румынском, шведском, финском, нидерландском, португальском, ангольском, конго, ирландском, английском и др.

¹¹ Об истории получения Лейбницем образца армянского языка и поиска его сходства с египетским, см., например, указанное выше письмо к Х. Лудольфу от 18 (28) апреля 1692 г.

¹² См., например, классификацию языков в письме к Ж.-Б. Боссюэ от 8 (18) апреля 1691 г.: [Leibniz 1964, 311].

¹³ См. признание самого Лейбница: [Leibniz 1979, 208].

¹⁴ См. также монографию М. Кархарта [Carhart 2019].

¹⁵ См. о нем: [Бугай, Бородин 1979, 264].

¹⁶ См.: письмо Коханского Лейбничу от 9 ноября 1691 г.: [Leibniz 1964, 423–425].

¹⁷ Последнее письмо Коханского Лейбничу датируется 11 июня 1698 г.

¹⁸ Подробно о научной деятельности Коханского и его переписке с Лейбницем см. следующие публикации: [Drzewieniecki 1967; Lisiak 2003; 2017].

Переписка Лейбница с Коханским была опубликована на языке оригинала (латинском) еще в начале XX в., см.: [Kochanski 1901; 1902].

¹⁹ См. об этом: [Lisiak 2017].

²⁰ См. об этом: [Drzewieniecki 1967].

²¹ См. об этом письмо Коханского Лейбничу от 8 (18) января 1692 г.: [Leibniz 1964, 533–534].

²² Подробное описание лингвистической составляющей переписки Лейбница и Коханского см.: [Lisiak 2003].

²³ Авторство Вербиста тогда не было установлено. Книга содержит сведения о маньчжурской грамматике.

²⁴ См. письмо Лейбница П. Лефорту от 3 (13) августа 1697 г.: [Leibniz 1993, 384–388] (см. также: [Лейбниц 1873, 20–23]).

²⁵ См. также: [Лейбниц 1873, 27–19].

²⁶ О переписке Лейбница с Витсеном и отношениях между ними см.: [Müller 1955].

²⁷ См.: [Müller 1955, 15–16].

²⁸ Письмо И.-Г. Грэвия Лейбничу от 17 (27) апреля 1671 г.: [Leibniz 1970a, 144]. Имеется в виду вышедшая в 1671 г. книга Витсена «Старинное и современное судостроение и судовождение» («Aeloude en hedendaegsche scheeps-bouw en bestier»), которую позже изучал Петр I. Несколько позже в 1688 г. уже сам Лейбниц упоминает это сочинение Витсена в письме другому адресату, см.: [Leibniz 1954, 444].

²⁹ См. следующие указания: письмо Лейбница Тевено от 24 августа (3 сентября) 1691 г.: [Leibniz 1964, 357]; письмо Тевено Лейбничу мая 1692 г.: [Leibniz 1970b, 250]; письмо Лейбница Тевено мая–июня 1692 г.: [Leibniz 1970b, 286].

³⁰ См. письмо Ж. ванн дер Хека Лейбничу от 27 сентября 1692 г.: [Leibniz 1970b, 446].

³¹ См. письмо Генриха Хюнекена Лейбничу от 24 марта 1694 г.: [Leibniz 1979, 313].

³² Лейбниц имеет в виду курфюрста Эрнса Августа и его возвращение из дворца Херрензаузен.

³³ В данной монографии приводятся сведения об истории создания карты, см.: [Контеев 2022, 119–160].

³⁴ См.: [Идес, Бранд 1967, 267–268]; комментарии издателя в связи с этим см.: [Идес, Бранд 1967, 370–371].

³⁵ Отчет о посольстве И. Идеса с пометками Лейбница и заметки к нему см.: [Leibniz 2008, 375–384]. Часть заметок к отчету о путешествии И. Идеса была опубликована в виде краткого сообщения в 1722 г. в газете «*Neue Zeitung von Gelehrten Sachen*»: *Neue Zeitung von Gelehrten Sachen, auf das Jahr M DCC XXII Erster Theil. S. 544.*

³⁶ О контактах Витсена в России, среди которых важную роль играл А.А. Виниус, см.: [Наарден 2010].

³⁷ В переписке Лейбница названия языков приводятся в соответствии с принятыми в конце XVII в.

обозначениями народов Сибири и Дальнего Востока. О соотношении названий того времени с современными, а также о расселении этих народов во времена Лейбница см.: [Долгих 1960].

³⁸ Письмо от 16 октября 1697 г.: [Leibniz 1993, 588]; письмо от 4 декабря 1697 г.: [Leibniz 1993, 785]; О составе «Великого посольства» см.: [Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2008, 369–374]. Также Витсен выслал «Отче наш» на готтентотском языке.

³⁹ См. об этом сюжете и в целом об истории крымских готах, о деятельности Й. Спарвенфельда и Лейбница: [Кизилов 2015].

⁴⁰ О шведском направлении попыток Лейбница получить лингвистический и этнографический материал из России (впрочем, безуспешном) см.: [Сергеев 2015].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бугай, Бородин 1979 – *Бугай А.С., Бородин А.И.*

Биографический словарь деятелей в области математики. Киев: Радянська школа, 1979.

Герье 1868 – *Герье В.И.* Лейбница и его век: в 2 т. Т. 1. СПб.: Печатня В. Головина, 1868.

Герье 1871 – *Герье В.И.* Лейбница и его век: в 2 т. Т. 2: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня В. Головина, 1871.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2008 – *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

Долгих 1960 – *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Идес, Бранд 1967 – *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Глав. ред. восточ. лит., 1967.

Кизилов 2015 – *Кизилов М.* Крымская Готия: история и судьба. Симферополь: Наследие тысячи-челетий, 2015.

Контев 2022 – *Контев А.В.* Верхнее Приобье и Прииртышье на старинных картах XVI–XVII вв. Барнаул: АлтГПУ, 2022.

Куприянов 2024 – *Куприянов В.А.* «Науки и искусства являются истинным сокровищем человеческого рода»: к вопросу о причинах интереса Г.В. Лейбница к России и Петру Великому // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 3 (56). С. 31–46. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_31

Куприянов, Смагина 2024 – *Куприянов В.А., Смагина Г.И.* «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Лейбни-

ца о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 3. С. 7–45.

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-7-45

Лейбниц 1873 – *Лейбниц Г.В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1873.

Наарден 2010 – *Наарден Б.* Николаас Витсен и Тартария // Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Том III. Научные материалы. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 35–138.

Сергеев 2015 – *Сергеев О.А.* Упоминания о «Черемисском языке» в конце XVII в. в переписке Г.В. Лейбница // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 57–63.

Carhart 2019 – *Carhart M.C.* Leibniz Discovers Asia. Social Networking in the Republic of Letters. Baltimore: John Hopkins University Press, 2019.

Collani 1994 – *Collani C.* Claudio Filippo Grimaldi S.J. Zur Ankunft des päpstlichen Legaten Charles Maillard de Tournon in China // Monumenta Serica. 1994. Vol. 42. P. 329–359.

Drzewieniecki 1967 – *Drzewieniecki W.M.* The Knowledge of China in XVII Century Poland as Reflected in the Correspondence Between Leibniz and Kochacski // The Polish Review. 1967. Vol. 12, № 3. P. 53–66.

Franke 1928 – *Franke O.* Leibniz Und China // Zeitschrift Der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1928. Vol. 82. № 3/4. P. 155–178.

Kochanski 1901 – *Kochanski A.* Korespondencja Kochanskiego i Leibniza wedlug odpisw D-ra E. Bodemanna z oryginalow, znajdujacych sie w Bibliotece Krolewskiej w Hanowerze po raz pierwszy podana do druku // Prace Matematyczno-Fizyczne. 1901. Vol. XII. P. 225–278.

Kochanski 1902 – *Kochanski A.* Korespondencja Kochanskiego i Leibniza wedlug odpisw D-ra E. Bodemanna z oryginalow, znajdujacych sie w Bibliotece Krolewskiej w Hanowerze po raz pierwszy podana do druku // Prace Matematyczno-Fizyczne. 1902. Vol. XIII. P. 237–283.

Lach 1945 – *Lach D.F.* Leibniz and China // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6, № 4. P. 436–455.

Lach 1957 – *Lach D.* Leibniz G. The Preface to Leibniz' Novissima Sinica. Honolulu: University of Hawaii Press, 1957.

Leibnitius 1717 – *Leibnitius G.G.* Collectanea etymologica illustrationi linguarum, veteris celticae, germanicae, gallicae aliarumque inservientia. Vol. 2. Hannovera: Foerster, 1717.

Leibnitius 1768 – *Leibnitius G.G.* Opera omnia nunc primum collecta, in classes distributa,

- præfationibus et indicibus exhornata, studio Ludovici Dutens. Vol. 6, Pars 2. Genf: Apud Fratres de Tournes, 1768.
- Leibniz 1954 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 5. 1687–1690. Berlin: Akademie Verlag, 1954.
- Leibniz 1957 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 6. 1690–1691. Berlin: Akademie Verlag, 1957.
- Leibniz 1964 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 7. 1691–1692. Berlin: Akademie Verlag, 1964.
- Leibniz 1970a – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 1. 1668–1676. Berlin: Akademie Verlag, 1970.
- Leibniz 1970b – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 8. 1692. Berlin: Akademie Verlag, 1970.
- Leibniz 1971 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 4: Politische Schriften. Bd. 1. 1667–1676. Berlin: Akademie Verlag, 1971.
- Leibniz 1979 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 10. 1694. Berlin: Akademie Verlag, 1979.
- Leibniz 1982 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 11. Januar – Oktober 1695. Berlin: Akademie Verlag, 1982.
- Leibniz 1992 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 9. 1693. Berlin: Akademie Verlag, 1992.
- Leibniz 1993 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 14. Mai–Dezember 1697. Berlin: Akademie Verlag, 1993.
- Leibniz 1998 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 15. Januar – Dezember 1698. Berlin: Akademie Verlag, 1998.
- Leibniz 2001 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 17. Mai – Dezember 1699. Berlin: Akademie Verlag, 2001.
- Leibniz 2005 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 18. Januar – August 1700. Berlin: Akademie Verlag, 2005.
- Leibniz 2006 – *Leibniz G.W. Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Rita Widmaier. Textherstellung und Übersetzung von Malte-Ludolf Babin. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006.
- Leibniz 2008 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 4: Politische Schriften. Bd. 6. 1695–1697. Berlin: Akademie Verlag, 2008.
- Leibniz 2010 – *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 13. August 1696 – April 1697. Berlin: Akademie Verlag, 2010.
- Lisiak 2003 – *Lisiak B. Korespondencja Adama Kochacskiego SJ zwiaszcza z Gottfriedem W. Leibnizem w sprawach jkzykoznawstwa // Nasza Przeszłość*. 2003. № 99. P. 405–415. DOI: 10.52204/np.2003.99.405-415
- Lisiak 2017 – *Lisiak B. Leibniz's Scientific Collaboration with Adam Kochacki, S.J. // Roczniki filozoficzne. Annales de philosophie*. 2017. T. 65, № 2. P. 205–222. DOI: 10.18290/rf.2017.65.2-10
- Merkel 1920 – *Merkel F.R. G.W. von Leibniz und die China-Mission*. Eine Untersuchung über die Anfänge der protestantischen Missionsbewegung. Leipzig: JC Hinrichs, 1920.
- Mugello 1977 – *Mugello D.E. Leibniz and Confucianism: The Search for Accord*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1977.

- Müller 1955 – Müller K. Gottfried Wilhelm Leibniz und Nicolaas Witsen. Berlin: Akad.-Verl., 1955.
- Perkins 2004 – Perkins F. Leibniz and China: A Commerce of Light. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511519994
- Richter 1946 – Richter L. Leibniz und sein Russlandbild. Berlin: Boston: De Gruyter, 1946.
- Schulenburg 1973 – von der Schulenburg S. Leibniz als Sprachforscher. Frankfurt am Main: Klostermann, 1973.

REFERENCES

- Bugaj A.S., Borodin A.I., 1979. *Biographical Dictionary of Figures in the Field of Mathematics*. Kiev, Radjanska shkola Publ.
- Gerrye V.I., 1868. *Leibniz and His Century. In 2 Vols. Vol. 1*. Saint Petersburg, Pechatnja V. Golovina.
- Gerrye V.I., 1871. *Leibniz and His Century. In 2 Vols. Vol. 2: Leibniz's Relations to Russia and Peter the Great According to Leibniz's Unpublished Papers in the Hanover Library*. Saint Petersburg, Pechatnja V. Golovina.
- Guzevich D.Ju., Guzevich I.D., 2008. *The Great Embassy. The Turn of the Epochs, or the Beginning of the Journey 1697–1698*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin.
- Dolgih B.O., 1960. *The Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century*. Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Ides I., Brand A., 1967. *Notes on the Russian Embassy to China (1692–1695)*. Moscow, Glav. red. vost. lit.
- Kizilov M., 2015. *Crimean Gothia: History and Destiny*. Simferopol, Nasledie tysjacheletij Publ.
- Kontev A.V., 2022. *Upper Ob and Irtysh Regions on Old Maps of the 16th–17th Centuries*. Barnaul, AltGPU.
- Kupriyanov V.A., 2024. “The Sciences and Arts are the True Treasure of the Human Kind”: Concerning the Question of the Motives of G.W. Leibniz’s Interest to Russia and Peter the Great. *International Journal of Cultural Research*, no. 3 (56), pp. 31–46. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_31
- Kupriyanov V.A., Smagina G.I., 2024. “To Ensure the Flourishing of Sciences and Arts in the Huge Empire”: Leibniz’s Ideas Concerning The Development Of Russia. *Sociologija nauki i tehnologij*, vol. 15, no. 3, pp. 7–45. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-7-45
- Leibniz G.V., 1873. *Collection of Letters and Memorials of Leibniz Relating to Russia and Peter the Great*. Saint Petersburg, Tip. Imperot. Akad. nauk.
- Naarden B., 2010. Nicolaas Witsen and Tartaria. Vitsen N. *Severnaja i Vostochnaja Tartaria. Tom III*.
- Nauchnye materialy. Amsterdam, Pegasus, pp. 35–138.
- Sergeev O.A., 2015. Mentions of the “Cheremis Language” at the End of the 17th Century in the Correspondence of G.V. Leibniz. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*, no. 2, pp. 57–63.
- Carhart M.C., 2019. *Leibniz Discovers Asia. Social Networking in the Republic of Letters*. Baltimore, John Hopkins University Press.
- Collani C., 1994. Claudio Filippo Grimaldi S.J. Zur Ankunft des päpstlichen Legaten Charles Maillard de Tournon in China. *Monumenta Serica*, vol. 42, pp. 329–359.
- Drzewieniecki W.M., 1967. The Knowledge of China in XVII Century Poland as Reflected in the Correspondence Between Leibniz and Kochacski. *The Polish Review*, vol. 12, no. 3, pp. 53–66.
- Franke O., 1928. Leibniz Und China. *Zeitschrift Der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 82, no. 3/4, pp. 155–178.
- Kochanski A., 1901. Korespondencja Kochanskiego i Leibniza według odpisw D-ra E. Bodemanna z oryginalow, znajdujących się w Bibliotece Krolewskiej w Hanowerze po raz pierwszy podana do druku. *Prace Matematyczno-Fizyczne*, vol. XII, pp. 225–278.
- Kochanski A., 1902. Korespondencja Kochanskiego i Leibniza według odpisw D-ra E. Bodemanna z oryginalow, znajdujących się w Bibliotece Krolewskiej w Hanowerze po raz pierwszy podana do druku. *Prace Matematyczno-Fizyczne*, vol. XIII, pp. 237–283.
- Lach D.F., 1945. Leibniz and China. *Journal of the History of Ideas*, vol. 6, no. 4, pp. 436–455.
- Lach D., 1957. Leibniz G. *The Preface to Leibniz' Novissima Sinica*. Honolulu, University of Hawaii Press.
- Leibnitius G.G., 1717. *Collectanea etymologica illustrationi linguarum, veteris celticae, germanicae, gallicae aliarumque inservientia. Tomus 2*. Hannovera, Foerster.
- Leibnitius G. G., 1768. *Opera omnia nunc primum collecta, in classes distributa, præfationibus et indicibus exhortata, studio Ludovici Dutens. Tomus 6, Pars 2*. Genf, Apud Fratres de Tournes.
- Leibniz G. W., 1954. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 5. 1687–1690*. Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G. W., 1957. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 6. 1690–1691*. Berlin, Akademie Verlag.

- Leibniz G.W., 1964. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 7. 1691–1692.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1970. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 1. 1668–1676.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1970. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 8. 1692.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1971. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 4: Politische Schriften. Bd. 1. 1667–1676.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W. 1979, *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 10. 1694.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W. 1982. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 11. Januar–Oktober 1695.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1992. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 9. 1693.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1993. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 14. Mai–Dezember 1697.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 1998. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 15. Januar–Dezember 1698.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 2001. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 17. Mai–Dezember 1699.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 2005. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 18. Januar–August 1700.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 2006. *Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714). Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Rita Widmaier. Textherstellung und Übersetzung von Malte-Ludolf Babin.* Hamburg, Felix Meiner Verlag.
- Leibniz G.W., 2008. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 4: Politische Schriften. Bd. 6. 1695–1697.* Berlin, Akademie Verlag.
- Leibniz G.W., 2010. *Sämtliche Schriften und Briefe. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Reihe 1: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 13. August 1696–April 1697.* Berlin, Akademie Verlag.
- Lisiak B., 2003. Korespondencja Adama Kochacskiego SJ zwiazcza z Gottfriedem W. Leibnizem w sprawach jkzykoznawstwa. *Nasza Przeszłość*, no. 99, pp. 405–415. DOI: 10.52204/np.2003.99.405-415
- Lisiak B., 2017. Leibniz's Scientific Collaboration with Adam Kochacski, S.J. *Roczniki filozoficzne. Annales de philosophie*, vol. 65, no. 2, pp. 205–222. DOI: 10.18290/rf.2017.65.2-10
- Merkel F.R., 1920. *G.W. von Leibniz und die China-Mission. Eine Untersuchung über die Anfänge der protestantischen Missionsbewegung.* Leipzig, JC Hinrichs.
- Mugello D. E., 1977. Leibniz and Confucianism: The Search for Accord. Honolulu, University of Hawai'i Press.
- Müller, K. 1955. *Gottfried Wilhelm Leibniz und Nicolaas Witsen.* Berlin, Akademie Verlag.
- Perkins F., 2004. *Leibniz and China: A Commerce of Light.* Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511519994
- Richter L., 1946. *Leibniz und sein Russlandbild.* Berlin, Boston, De Gruyter.
- von der Schulenburg S., 1973. *Leibniz als Sprachforscher.* Frankfurt am Main, Klostermann.

Information About the Author

Viktor A. Kupriyanov, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Saint Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 5B, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, nonignarus-artis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0757-3752>

Информация об авторе

Виктор Александрович Куприянов, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Университетская наб., 5Б, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nonignarus-artis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0757-3752>